

Борису Покровскому — 80!

23 января крупнейшему деятелю музыкального театра современности режиссеру-новатору Борису Александровичу ПОКРОВСКОМУ исполняется 80 лет. 55 из них отданы оперному искусству. Юбилей мастера совпал с юбилеем его дитища — Камерного музыкального театра, который 18 января отмечает свое 20-летие. Завтра здесь состоится торжественный вечер, посвященный двум «круглым» датам. Друзья придут поздравить коллектив театра и его основателя. Незадолго до этого корреспонденты «ВМ» побывали в знаменитом театре-подвальчике у метро «Сокол», где беседовали с народным артистом СССР, лауреатом многих премий, профессором Б. Покровским.

— Борис Александрович, всю свою творческую жизнь вы общаетесь с великим творением великих композиторов. Вы, что называется, «на одной ноге» с Бизе и Чайковским, Верди и Римским-Корсаковым. Каковы результаты этого общения, что вы ощущаете в итоге?

— Я чувствую себя счастливым. Мне очень повезло, потому что с детства я испытал влечение к оперному театру. Я музыкант, но понимаю, что в опере музыка является средством, а не целью. Поэтому моя забота всегда была утвердить в опере театр, искусство театра, действия, а не искусство музыки, которое, по словам Чайковского, должно только одухотворять слово и действие. Впоследствии я понял, какое это большое счастье — заниматься таким делом! С годами это убеждение из кредо профессионального перешло в кредо жизненное.

— Режиссерами ведь не рождаются — режиссерами становятся. Как, когда, при каких обстоятельствах началось это становление?

— В моей семье никто не занимался искусством. Родители просто любили оперу. Как и многие интеллигенты того времени, имели абонемент в театр. Иногда и я бывал там и увлекся природой этого искусства. Стремление к будущей профессии ощутил очень рано, но какое-то время вынужден был себя сдерживать, от этого дела удалиться. Что такое оперный режиссер, тогда ведь никто не знал. Станиславский, Немирович-Данченко только начинали эксперименты в этой области — каждый в своей студии. Я должен был где-то подрабатывать. Играл на рояле в кинотеатре, где шли немые ленты, был хронометражистом, одно время даже сочинял программы для радио. А потом поступил в фабзавуч, стал рабочим, химиком.

Несколько лет проработал на Дорогомиловском химзаводе и, будучи уже квалифицированным аппаратчиком пятого разряда, попал в аварию. Меня обожгло щелочью, по моей вине. А когда пришел в себя, услышал фразочку: «Жить будет?» — спросил кто-то, видимо, директор, у доктора. — «Да, конечно». — «А видеть?» — «Ну, вы многого хотите». И вот это «многого хотите» осталось со мной навсегда. Да, я многого хотел — и получил. Получил возможность видеть — небо, цветы, людей. Я знал всему этому цену. И когда появилась возможность учиться дальше — пошел в ГИТИС.

— И сразу поступили?

— Это был один из триумфов в моей жизни. Меня экзаменовал Завадский. Посмотрев мою тетрадь с режиссерскими планами (а я целый год готовился к этому моменту), он бросил небрежно: «Тут и думать нечего, надо брать вне конкурса».

Правда, учился я средне. Точнее сказать, мы не учились, мы соревновались с консерваторией по ко-

личеству пятерок. Для этого у нас была целая система. Первым мы запускали Товстоногова — он сразу чувствовал, как надо сдавать. Когда он возвращался с пятеркой, то объяснял мне, как надо сдавать этому педагогу — и так весь курс сдавал.

— А как Георгий Александрович относился к вашей специальности

Моцарта. Загадка? Он идет в Художественный театр смотреть — в который раз! — «Дни Турбиных», желая проникнуть в Булгакова. То же самого Булгакова, которого он уничтожал... А эта опера создается изнутри людьми, которые хорошо знают советскую действительность. Она будет, по-моему, единственным произведением искусства, которое

ку, скажем, Моцарта, я знаю, что он — современен. Во-вторых, мы будем обращаться к тому, что не могут поставить в других театрах. Мы только что выпустили оперу по роману Достоевского «Идиот». Потом будем ставить оперу Э. Дебюсси «Девочки и художник» по пьесе П. Пикассо.

Да, мы вынуждены больше гас-

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГОГО ХОЧЕТ

Восп. Москва. — 1992 — 17 янв.

музыкального режиссера?

— Он ее презирал. Он говорил: «Зачем ты занимаешься этой ерундой?».

— И вот более полувека вы занимаетесь «этой ерундой», да так, что можно говорить об эпохе Покровского в оперном театре. На чем зиждется такая страстная привязанность к оперному искусству?

— На правде духовного существования человека, которая есть в опере.

— А разве в драматическом театре нет этой правды?

— Нет! Станиславский сказал, что чувства играть нельзя! Играть можно действия, которые могут вызвать эти чувства, но могут и не вызвать. В опере композитор нам дает чувства уже готовыми, надо только выстроить логику действия, которая приведет к этим чувствам. В этом сила оперы. И не случайно Станиславский пошел в оперу, не случайно Немирович-Данченко, величайший режиссер, недооцененный нами, тоже пошел в оперу. И не случайно Мейерхольд пошел в оперу, и Охлопков. Даже Товстоногов, скрывая от меня, пошел в оперу!

— А что, у него были оперные постановки?

— Он уехал в Финляндию и там поставил оперу на открытой сцене в Савонлинна. Это я узнал от его сына, который был у меня ассистентом. Мне же Георгий Александрович сказал, что он по моим книжкам это поставил. У меня к тому времени было довольно много книг, написанных по настоятельному требованию моего друга Товстоногова. Я не знал, что он видел почти все мои спектакли (при встречах мы никогда не обсуждали свои работы. Мне казалось глупым говорить: «Гога, ты — гений»).

— Какая постановка сейчас занимает ваше воображение?

— Сейчас нам с Ростроповичем предстоит очень, на мой взгляд, интересная работа. Мы будем ставить в Амстердаме оперу А. Шнитке «Жизнь с идиотом» по рассказу Виктора Ерофеева. У меня такое впечатление, что это будет единственная советская опера, как это ни парадоксально.

— В каком смысле единственная советская, а все те, что вы ставили до сих пор?

— Я ставил оперы советских композиторов. А эта опера об уникальном времени. Времени не только дураков и идиотов, но и мудрых людей, которые жили по-идиотски. Когда пройдут одно-два столетия, эти наши семьдесят лет будут особо выделены в историю человечества и будут предметом особого внимания, за них станут жадно хвататься, подробнейшим образом изучать. Поверьте мне, так будет!

Это эпоха, в которой люди жили двумя правдами. Все! Начиная со Сталина. Он подписывает приказ о расстреле двух тысяч человек — и слушает фортепьянный концерт

«прославит» наше время, не думаю, что позднее появятся такого рода оперы. В нем такая правда и такая загадка; в нем помесь таинства с непредсказуемостью и ностальгией. Оно поражает меня своей таинственностью и... Это нельзя понять, это нельзя оправдать, это нельзя разгадать...

— А поставить можно? И почему эта опера будет ставиться в Амстердаме?

— Видите ли, какая штука. Там хороший современный театр, только что построенный. Там публика не ходит с ножами и не стреляет ни в кого. Там вы можете пойти в аптеку и совершенно свободно купить наркотики. Там какая-то особенная тишина и звучит колокол, то, что по-русски я бы назвал благолепие. Там нейтральная почва. Кстати, там умер мой друг Кирилл Кондрашин. Амстердамская постановка — это инициатива Ростроповича, Шнитке и Ерофеева. И мне приятно, что ко мне, старику, пришли молодые. Мне художник Илья Кабаков прислал чертежи декораций. Я посмотрел: господа, да это же московская квартира, та самая, которую мы теперь пренебрежительно называем хрущобой, это же кухня. Нигде в мире таких кухонь не было и быть не может: там говорилось о самом сокровенном.

— Сейчас для учреждений культуры, как, впрочем, и для всего народа, наступили сложные времена. Как руководимый вами театр собирается выжить, останется ли он верен своим принципам, своему курсу?

— Я считаю курсом то, по чему мы движемся. Это, во-первых, современность: когда я ставлю класси-

ролировать за рубежом. Когда мы недавно выступали в Париже, актеры изменили мизансцены, потому что не могли пройти в зрительный зал — все проходы забиты. И так нас принимают повсюду в мире. Радость? Радость! Нужны? Нужны! Вот этой радостью мы и живем и ожидаем того часа, когда мы и здесь будем так же нужны.

— Борис Александрович, вы начали эту беседу с признания, что вы счастливы. Но если такое возможно в наше нелегкое время, то как вам это удается и, главное, как этого добиться другим пожилым людям — что вы им посоветуете?

— Наше время, которое все называют трудным, для меня таковым не является. У меня есть репетиции, у меня есть спектакли, есть признание моего театра, актеров (к сожалению, главным образом за рубежом). Русская культура — великая культура. Это не я сказал, а иностранцы. И это тоже придает силы. Я часто повторяю слова из Святого писания от Луки: «Царствие Божие в сердце нашем». Мое сердце — мое царствие Божие. И я не жду от Бога, чтобы он мне что-то сделал, как я не жду помощи от Президента. Я сам себе должен сделать радость...

В ближайшие дни Камерному музыкальному театру предстоят гастроли. Пожелаем же этому замечательному коллективу и его руководителю той же творческой молодости, смелости и неукротимости, которыми они удивляли нас всегда.

Елена ЛИТОВЧЕНКО.
НА СНИМКЕ: Б. А. Покровский.
Фото Р. ФЕДОРОВА.